

ОБ ИЛЬЯШЕВИЧЕ П. А. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ИЛЬЯШЕВИЧ Павел Акимович, родился в 1882. В 1900-х — окончил Московский университет, преподавал в гимназии, после революции — проживал в Кирово (Украина), преподавал в средней школе. В 1918 — женился на Софье Ильяхевич, выпускнице гимназии, в семье — дочь. 27 июля 1937 — арестован, приговорен к высшей мере наказания (?) и расстрелян (?).

В мае 1938 — к Екатерине Павловне Пешковой обратилась за помощью его жена, Софья Ильяхевич¹.

<10 мая 1938>

«Многоуважаемая Екатерина Павловна!

Обращаюсь к Вам с мольбой о помощи. Мой муж учитель. Ему 56 лет. С 1907 г<ода>, с момента окончания московского университета, он непрерывно работал по своей специальности до дня ареста 27 июля 1937 г<ода>. Долгая трудовая жизнь закончилась позором, позорное пятно легло на семью и обездолило ее. Муж мой никогда не был военным, никогда не имел никакого имущества, не принадлежал ни к какой партии. До и после революции он мог быть только учителем. У него не могло быть жажды власти, политического тщеславия. Чтобы получить высшее образование, при царском режиме, он вынужден был продавать газеты. Обвинение в контрреволюции просто нелепость и абсурд. Я моложе мужа, мне 36 лет. Я воспитана советской властью, т<ак> к<ак> при советской власти получила образование. Я 20 лет замужем, никогда не расставалась с мужем, мне известен каждый его шаг. Если муж виноват, то не в меньшей степени виновата и я, т<ак> к<ак> не знать, не заметить в течение 20 лет дружной совместной жизни скверных поступков мужа я не могла — это очевидно. А, между тем, нет ничего такого, о чем бы я не могла рассказать всему миру, нет ничего тайного, нам нечего скрывать и нечего стыдиться.

Екатерина Павловна, я понимаю, с каким омерзением, ужасом и брезгливостью Вы должны относиться к политическим преступникам и убийцам, но клянусь всем самым дорогим на свете, жизнью своей единственной дочери, что в данном случае ни о какой контрреволюции, даже в мыслях, быть не может. Что может быть общего у нас с подлыми предателями и изменниками! Какие мы враги народа?!

Болью закипает сердце от такой несправедливости. Большого абсурда жизнь создать не могла. Говорят же, "от сумы и тюрьмы не отрекайся", но это было при царском режиме!

Я не допускаю мысли, что в нашей стране могут гибнуть ни в чем не повинные люди из-за ложных доносов или из-за того, что кому-то не нравились и мешали. После ареста мужа я обращалась к прокурору Союза с просьбой о том, чтобы моего мужа судили открыто, ведь судили же настоящих преступников, ведь ему не могли быть известны государственные тайны, чтобы он мог на суде оправдать себя, т<ак> к<ак> я знаю, что не найдется ни одного человека в мире, который бы открыто заявил что-либо его позорящее, но мне не ответили. Что за таинственные

¹ Письмо исправлено в правилах современной орфографии и поставлена часть запятых.

преступления, о которых мы даже и не подозревали, тяготеют над нами? В чем же виноват муж? В чем виноваты дочь, 13 лет, и я? За что мы должны так жестоко страдать?! Кроме материальной нужды (я была снята с работы учительницы 4-го класса из-за мужа и была 4 месяца без работы), Гор<одской> совет, невзирая на то, что я имею диплом об окончании гимназии с золотой медалью, невзирая на то, что закончила бухгалтерские курсы и кончаю физ<ико>-мат<ематический> факультет местного института, послал меня на пуговичную фабрику чернорабочей. За месяц и 17 дней я там заработала 71 р<убль> 88 к<опеек>. Дочь моя учится в 6 классе. В продолжении 6 лет была избираема организатором класса, как лучшей отличницы, ее портрет висел в кино. Когда арестовали отца среди года, пионерская организация школы устроила перевыборы в ее классе и когда ее все-таки вновь избрали, предложили ей отказаться. После этого часть детей стала ее травить: рвать тетради, ломать перья, дразнить, разрезали ей платье. Ей тяжело быть в школе, еще тяжелее и больнее за нее мне. Мужа арестовали 27 июля, а 20 ноября увезли неизвестно куда и за что. Девять месяцев тревоги и мук, мы даже не знаем, жив ли он. Нас все сторонятся, как зачумленных, избегают на улице, стараются не разговаривать. Сил не хватает переносить эти страдания, не чувствую за собою ни малейшей вины. Все мои попытки добиться чего-либо не приводят ни к каким результатам. Мне или вовсе не отвечают, либо советуют обратиться туда-то и туда-то, а оттуда еще и еще. Муж и отец нам бесконечно дорог, мы знаем очень хорошо, что он абсолютно ни в чем не виноват, что он жертва чей-то подлости, но добиться справедливости, добиться, где он, ни у кого нельзя. Какой-то заколдованный круг.

Научите, Екатерина Павловна, что делать! Как узнать, где муж? Не могут же бесследно исчезать люди! Ведь кто-то же должен знать, жив ли он и где он?! К кому обратиться за справедливостью? Пусть сослали его, но ведь и мы можем уехать, ни меня, ни дочь не испугает ни тюрьма, ни тайга, мы здоровы и можем работать; страшнее жить так, как мы живем, страшно потерять веру в справедливость, страшно жить, когда тебя все сторонятся и боятся, как проказы, когда сердце и мозг отравлены чужой подлостью и нет выхода. Умоляю Вас, ради всего Вам дорогого, не откажите мне в моей просьбе и не ограничивайтесь формальной отпиской, как все, с указанием, куда обратиться, т<ак> к<ак> оттуда или вовсе не ответят, или направят еще куда-нибудь.

Глубоко уважающая Вас С. Ильяшевич.

Украина. Кирово. Карабинерная, 13.
Мужа зовут Павел Акимович Ильяшевич.

10/V 38 г<ода>»².

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1665. С. 170-172. Автограф.